

ББК 82.3
УДК 397

Н. В. БЕССОНОВ
(Москва)

ЦЫГАНСКИЙ АРХИВ И. М. АНДРОНИКОВОЙ

***Аннотация.** Статья посвящена коллекции фольклора русских цыган, собранной И. М. Андроникиной и членами ее семьи между 1930 и 1970 гг. Автор доказывает подлинность этих материалов, а также обсуждает достоинства и недостатки архива.*

***Ключевые слова:** Инга Андроникова, ментальность, собирание фольклора, пословицы, русские цыгане, цыганская культура.*

**Инга Андроникова
и судьба ее наследия**

Появлению данной статьи способствовала публикация И. Махотиной в № 3 «Традиционной культуры» за 2012 год [Махотина 2012, 108—119]. Рассматривая источники по фольклору цыган, начинающий литературовед ставит под сомнение полевые записи, принадлежащие семье Андрониковых и хранящиеся ныне в Российском институте истории искусств. Упомянутая коллекция содержит ценные материалы по цыганской культуре. Хотя она и подверглась в свое время сознательному разорению, значение уцелевшей части бумаг трудно переоценить. Ленинградская семья, в которой родилась Инга Андроникова, внесла в цыгановедение ценный вклад. Исходя из этого, постараемся объяснить читателям и коллегам из смежных областей, почему попытки вывести архив И. М. Андроникиной из научного оборота несостоятельны.

Прежде всего, обрисуем обстановку, в которой создавалась данная фольклорная коллекция. В начале 1930-х гг. было многое сделано для развития национальностей СССР. В частности, цыгане получили возможность издания литературы на родном языке и открыли поныне существующий театр «Ромэн». К сбору этнографической информации и созданию словаря были привлечены научные кадры (А. П. Баранников, М. В. Сергиевский, Т. В. Вентцель). На волне интереса к обычаям и фольклору в работу включились любители¹. Поскольку накануне войны деятельность по развитию цыганского языка и культуры была свернута, сейчас трудно установить, кто конкретно проводил самостоятельную работу в разных регионах России. Публикации так и не появились, и до наших дней дошли очень немногие бумаги из семейных архивов. Тем не менее, установлено, что в Ленинграде в группу исследователей-энтузиастов входили Екатерина Васильевна Николаева (род. 1905 г.) и Надежда Васильевна Новицкая (урожденная Николаева, род. 1894 г.). Первая была матерью, а вторая тетей Инги Михайловны Андроникиной (которая приложила огромные, но безрезультатные усилия для издания собранных материалов). Мы будем далее называть уцелевшие черновые записи архивом И. М. Андроникиной, но при этом постоянно должны иметь в виду, что целая группа лиц начала фиксировать фольклор еще до ее рождения. В качестве собирателей нам поименно известны три близкие родственницы, но существовали и другие люди. Это важно оговорить с самого начала, поскольку

¹ В частности, собирать сказки и пословицы начал цыганский активист Николай Панков; сборник цыганских песен опубликовал Николай Кручинин.

Цыганская актриса Ольга Деметер и Инга Андроникова во дворе у русских цыган. Левашово, Ленинградская обл., 1961 г. Фото из архива О. С. Деметер-Чарской

некоторые авторы в своих публикациях выражали сомнения в подлинности архива [Кучепатова 2006, 9]. Их основной довод сводился к тому, что Инга Андроникова просто физически не смогла бы записать такой колоссальный объем фольклорных текстов². Формально критики были правы, но они не учитывали, что упомянутая коллекция — это плод коллективных усилий. За сорокалетний срок ее вполне можно было создать, и она была реально создана.

Судьба Инги Андрониковой (1937—1994) оказалась трагичной. С детства мать готовила ее на роль публикатора архива. Уже в десятилетнем возрасте девочка бывает в цыганском таборе, расположившемся на окраине Ленинграда. При обучении на факультете журналистики Ленинградского университета³ Андроникова выбирает для дип-

лома тему «Из истории печати цыганского народа 1920-х — 1930-х годов». Далее упорная девушка поступает в аспирантуру в московском отделении Института этнографии, которую и заканчивает в 1969 г. Она ведет полевую работу в Псковской, Ленинградской, Калининской и Смоленской областях. На основе официальной статистики, специальной литературы, собственных записей и семейного архива она пишет диссертацию о русских цыганах. Но именно в этот момент начинается травля со стороны коллег. Инге Михайловне фактически перекрывают возможность публиковаться в научных изданиях; ее диссертация по формальным причинам не допущена к защите. В 1969 г. Андроникова возвратилась в Ленинград. Там ее ждал новый удар судьбы. В 1974 г. рукописи подго-

товленных к печати книг (и коллекция фотографий) были изъяты при странном обыске. Чудом сохранились лишь некоторые черновые материалы, спрятанные на антресолях. Этот удар Инга Михайловна восприняла как крушение дела всей своей жизни. У нее резко ухудшилось здоровье, начались мозговые нарушения, и она умерла в возрасте 57 лет [Кучепатова 2006, 3—8].

По всей вероятности, конфискация рукописей была спровоцирована обращением Инги Андрониковой в различные издательства Москвы и Ленинграда. К печати ею были подготовлены следующие издания: «Очерки о цыганах», словник «Термины материальной культуры», сборник песен, сборник сказок [Кучепатова 2006, 8]. Очень велика вероятность, что так называемый «обыск» был инсценировкой, замаскированной под действия официальных органов, поскольку были изъяты фольклорные

донимом Инда Романы-чай книгу «Сказки идущих за солнцем» (1963). Чтобы эти авторские тексты не были приняты за этнографические записи, шепетильная И. Андроникова снабдила их подзаголовком: «По мотивам цыганского фольклора».

² В 1969 г. в одном из вариантов диссертации И. М. Андроникова упоминала, что в ее распоряжении имеется «более 12 тысяч пословиц, поговорок и специфических выражений цыган, около 600 песен, более сотни сказок северного диалекта».

³ Свои литературные дарования молодая журналистка проявила, выпустив под псев-

записи на цыганском языке, представлявшие интерес только для коллег. Так или иначе, долгое время единственной официальной публикацией И. М. Андрониковой оставалась статья в «Советской этнографии», посвященная цыганскому жилищу [Андроникова 1970].

К счастью, не замеченные похитителями черновые записи были опубликованы в 2006 г. сотрудницей Российского института истории искусств (Санкт-Петербург) С. В. Кучепатовой. Объемное издание «Язык цыганский весь в загадках» содержит не только лексический материал, но и одну из редакций упомянутой выше диссертации [Андроникова 2006, 585—620]. Высокое научное качество этого текста сразу же вывело Ингу Андроникову на роль самого компетентного специалиста по материальной культуре кочевых русских цыган. Все без исключения детали, касающиеся костюма, палатки, повозки, национальной кухни и родового деления подтверждаются как современной полевой работой, так и иконографическими источниками.

В данной статье предлагается обсудить не диссертацию⁴, а коллекцию цыганских изречений, содержащую 13140 фраз. Тверской литературовед Илона Юрьевна Махотина попыталась объявить афоризмы «масштабной мистификацией» и «фиктивным источником» [Махотина 2012, 112—116]. Это вполне логично для автора, который с самого начала научной карьеры берет курс на дискредитацию предшественников. Устранение из научного оборота огромного массива цыганских изречений повысило бы значимость немногочисленных фольклорных записей, сделанных самой И. Махотиной. Разбор приемов, примененных молодым специалистом при анализе архива Андрониковой (двойные стандарты, подмена предмета обсуждения и намеренные вольности с цитированием) — предмет для отдельной статьи. Сейчас нас интересует только поставленный И. Махотиной вопрос: можно ли относиться к коллекции «народных афоризмов», собранных в период между 1930 и 1970 гг., как к достоверному этнографическому источ-

нику? В своем анализе мы постараемся сохранить объективность, отмечая как достоинства, так и недостатки обсуждаемого собрания.

Параллели между архивом Андрониковой и литературой

Прежде всего, охарактеризуем уцелевшие бумаги. Мы не знаем, в каком виде цыганские пословицы и изречения были подготовлены к печати самой И. Андрониковой. Сохранилась лишь черновая картотека. Причем почерком Инги Михайловны заполнена только тысяча карточек. Остальные 12 тысяч фраз записаны другим почерком и «имеют несколько иной стиль комментариев» [Кучепатова 2006, 9]. По содержанию понятно, что записывались изречения от разных поколений цыган. В самых ранних образцах зафиксированы еще дореволюционные реалии. Как персонажи там выступают барин, пристав, урядник, городовой. Следует подчеркнуть, что собирателей интересовали не только устоявшиеся пословицы и поговорки, но и цыганские фразы, сказанные по тому или иному поводу. С точки зрения фольклориста это может быть минусом, но фактически перед нами окно в цыганский мир, благодаря которому возможно судить о ментальности цыган и об их непосредственной реакции на исторические события. Наиболее поздние изречения (относящиеся уже ко времени полевой работы самой И. Андрониковой) раскрывают отношение цыган к Сталину и Хрущеву, к полетам в космос, к Великой Отечественной войне и к Указу 1956 г., поставившему кочевье под запрет.

От всего этого богатства нам было предложено отказаться под прикрытием авторитета ВАКовского журнала. Мы поступили бы очень опрометчиво, если бы поверили пристрастной критике. Автор этих строк работал в тех же местах, где собирала материал И. Андроникова (Смоленская и Ленинградская области). В разговорах цыгане употребляли при обсуждении ряда тем очень близкие словесные обороты. Никто не убедит меня, что фразы, составляющие книгу «Язык цыганский...», сочинены в кабинете.

⁴ Ее значимость никто не решается оспорить.

Наверное, самым простым способом развеять версию И. Махотиной явилась бы попытка принять ее всерьез. Давайте представим себе, что начинающий литературовед действительно приводит серьезные аргументы. Ею, в частности, сказано, что разоблачению Андрониковой способствует сопоставление поговорок из «Языка цыганского...» с более ранними текстами. Перечислены имена авторов, книги которых якобы послужили основой «мистификации». Это этнограф В. Н. Добровольский, литератор А. Н. Кун, советский цыганский писатель А. В. Герман [Махотина 2012, 113].

Конечно же, сходство с теми или иными фразами из указанных книг не может считаться уликой плагиата. Специалисты знают, что существует влияние литературных источников на фольклор. Грамотные цыгане, естественно, знакомились с книгами, посвященными их народу, а потом делились прочитанным с таборными родственниками. Поэтому некоторые обороты из публикаций Добровольского, Куна и Германа вполне могли подвергнуться в народной среде переосмыслению или даже воспроизводиться дословно. Далее неосознанные цитаты из литературы могли быть записаны кем-то из собирателей «архива Андрониковой». На примере других народов мы видим такую практику постоянно. Фольклористы фиксируют при работе с деревенскими исполнителями песни литературного происхождения. Общеизвестным является факт, что публикация В. Даля дала «вторую жизнь» многим русским пословицам. Новая запись уже опубликованного — норма в полевой работе. Слегка видоизмененные фразы из литературы или даже кинематографа обычно не рассматриваются как показатель «мистификации». Но коль скоро речь заходит о цыганах, от нас требуют отбросить практику фольклористики, поскольку кто-то обнаружил некие параллели.

В настоящее время литературовед И. Махотина и лингвист В. Шаповал нашли несколько десятков примеров, в которых можно при желании усмотреть некоторое сходство между фразами из «Языка цыганского...» и более ранней литературой. Как нам представляется,

продолжить. Но даже если будет найдено 100 или даже 300 параллелей, это никоим образом не позволит поставить под сомнение собрание, состоящее из 13140 фраз.

Лично я ни на минуту не сомневаюсь в подлинности коллекции Андрониковой. Самым верным критерием здесь является соответствие цыганских сентенций реальным обычаям и реальной истории. Даже если бы за мистификацию взялась группа выдающихся фальсификаторов, они никогда не смогли бы осилить работу такого масштаба и такой достоверности. Подделки столь легко разоблачаются в цыгановедении именно потому, что мифотворцы конструируют свои версии на основе книжных представлений о цыганском народе. Если бы любители, создававшие «коллекцию Андрониковой», действительно затеяли обман, перед нами сейчас был бы корпус текстов о вольных цыганках, вечном пацифизме, всесильных баронах и так далее. В кабинете что-то иное сконструировать практически невозможно.

Напомню, что мы пытаемся сейчас принять обвинения в мистификации всерьез. Допустим, что «строительным материалом» для И. М. Андрониковой действительно послужили публикации предшественников. В этой ситуации нам надо оценить уровень знаний о цыганах России, который был достигнут в дореволюционный период и первые советские годы.

Каждый, кто хотя бы поверхностно знает специальную литературу, подтвердит: цыгановедение находилось тогда в «младенческом» состоянии. Выделяется своим научным качеством труд В. Добровольского «Киселёвские цыгане». Но как отправная точка для фальсификатора он не годится, ибо посвящен дореволюционным оседлым цыганам. Напомню, что подавляющая часть коллекции Андрониковой содержит изречения, посвященные кочевому быту. Тексты ее предшественников на эту тему отличаются отрывочной или даже недостоверной информацией. Порой мы находим в ранней литературе под видом этнографических данных оскорбительные домыслы. Приведем две характерные цитаты.

«Но особенно любит он водку. Когда цыган раздобудет вина, он начинает от радости кричать, петь, плясать, даже плакать, показывая обильными слезами, как ему хорошо... Он хватается тогда балалайку, извлекает из струн ее какие-то бешеные звуки, и пляшет до тех пор, пока свалится... В непритворном веселье цыгана обыкновенно принимает участие не только семья, но и весь табор» [Цыгане 1878, 38, 39]. (В качестве комментария сразу же добавим, что в реальной цыганской среде умение пить, не пьянея, считается достоинством. Детям обязательно указывали на упившихся до бесчувствия людей другой национальности, демонстрируя преимущества собственного образа жизни.)

Русский краевед Пылаев писал: «Между цыганами есть немало и уродов. Это случается оттого, что супруги при ссоре дерутся детьми; отец берет малютку и бьет им жену, а жена хватается другого ребенка и отражает им удары» [Пылаев 1887, 397]. Комментарии не требуются.

Особую ценность коллекции Андрониковой придают изречения русских цыган, связанные с шатрами, конной торговлей, зимним постоем и т. д. Все это просто не имеет отправных точек в дореволюционных публикациях. Если же мы вспомним, что нам следует искать тексты на цыганском языке, то обнаружим пустоту⁵. Попытки фиксации цыганских фраз либо связаны с другими диалектами, либо содержат грубые ошибки. В качестве примера можно привести ничтожный по объему словарь диалекта русских цыган-сибиряков, опубликованный в 1879 г. [Голодников 1879].

В советское время ситуация не изменилась кардинально. Даже привлечение специалистов с учеными степенями не избавило цыгановедение от поверхностного подхода. К примеру, Т. В. Вентцель писала, что существует якобы «казна табора», хотя в реальности деньгами распоряжались главы семей. Такие домыслы легко объяснимы, если вспомнить, что данному автору никогда не доводилось вести полевые работы.

⁵ Исключением являются тексты на диалекте «русска рома», зафиксированные Добровольским, но еще раз напомним, что они посвящены жизни деревенских цыган.

Индолог А. П. Баранников, напротив, выезжал в этнографические экспедиции на Украину. Но это не мешало ему помещать в своих трудах заведомо ложную информацию, будто исключительно редко встречаются цыгане, не сидевшие хоть раз в тюрьме [Баранников 1931, 142]. Не более достоверной оказалась и диссертация Т. Киселевой «Цыгане европейской части Союза ССР», защищенная в 1952 г. Текст, в основе которого лежали всего две недели полевых работ, оказался настолько непрофессиональным, что с тех пор практически не цитировался. Возможно, ситуация не была бы такой безысходной, если бы цыгановедение развивалось без административных ограничений. Но после решения о сворачивании культурной работы в цыганской среде (1938 г.) были прекращены и публикации в специальной литературе. Даже лингвисты не могли опубликовать статьи о цыганском языке. Запреты обходили, сделав заголовок по типу: влияние языка такого-то коренного народа на такой-то диалект цыган⁶. После всего сказанного должно быть понятно, что из колодца официальной науки Инга Андроникова не могла черпать сведения для своего труда⁷.

Нам напоминают о «Сказках цыган» в изложении Н. А. Куна⁸. Но ведь известно, что это всего лишь пересказ на русском языке текстов, сфальсифицированных зарубежным литератором Х. фон Влислоцким [Therentkov 2004, 571]. Конечно же, этот псевдоисточник не мог трансформироваться в масштаб-

⁶ Из сказанного не следует, что у ранних авторов не было заслуг перед цыгановедением. Конечно, их тексты имеют те или иные достоинства. Но важно подчеркнуть, что в конкретной теме «быт и обычаи русских кочевых цыган» достижения были минимальными.

⁷ Наука о цыганах начала бурно развиваться только после 1990 г., когда старшее поколение исследователей получило возможность публиковаться, а научная смена была привлечена открывшимися перспективами. С тех пор о русских цыганах вышло немало ценных работ. Однако подчеркнем, что таборную жизнь никто лучше Андрониковой пока не отразил.

⁸ Автора популярной книги «Мифы Древней Греции».

ную и мало уязвимую для критики кол-лекцию Андрониковой.

Но может быть, хотя бы советские цыганские писатели (в частности, выделяемый И. Махотиной Александр Герман) полнокровно и честно отра-зили кочевой быт? Не следует строить по этому поводу иллюзий. Советская цыганская литература была не только политизированной. Создавали ее ав-торы, которые знали обычаи и таборный уклад весьма поверхностно. Чем мог-ла помочь Инге Андрониковой книга очерков А. Германа «Цыгане вчера и сегодня», выпущенная в 1931 г.? Мне довелось держать в руках уникальный экземпляр с авторской дарственной надписью (книга была подарена цы-ганскому просветителю Н. Панкову). Особый интерес представляет ответная запись Панкова: «Нужно удивляться лишь нашему благодущию, допустив-шему такое безобразие без всякой отпо-веди». Далее на полях были оставлены конкретные критические замечания, с которыми нельзя не согласиться. Дей-ствительно, вызывает удивление фраза А. Германа: «Можно встретить таких кочевых богатеев, которые имеют сотни тысяч рублей, хранящихся в европей-ских банках» [Герман 1931, 35]. В том же ключе написаны и рассказы обсуж-даемого писателя. Все они выдают пол-ную некомпетентность.

И нас хотят уверить, что коллекция И. Андрониковой (достоверно отража-ющая жизнь кочевых цыган) построена вот на таком шатком фундаменте?

Доводы в пользу подлинности коллекции афоризмов

Итак, мы вынуждены отвергнуть ги-потезу о «мистификации», созданной на основе предшествующей литературы.

Зато всё встает на свои места, если признать, что в начале тридцатых годов в таборы действительно выехали для сбора сведений энтузиасты, поверх-ностно владевшие цыганским языком. Именно этими неизвестными лицами были записаны изречения по поводу почти забытого крепостного права и многое другое. Бумаги были сохранены во время блокады Е. Николаевой и Н. Новицкой, а со временем эстафету

подхватила Инга Андроникова. Ее за-писи отражают уже быт и психологию послевоенных цыганских общин.

На страницах книги «Язык цыган-ский...» перед нами предстают не мифи-ческие, а реальные русские цыгане. Это таборы, в которых мужчины нанимаются пахать крестьянские огороды⁹ и в годы суровых испытаний идут в партизаны. Мы видим особую систему ценностей, в которой сноровистая жена-попрошайка уважаема табором больше, чем цыганка, которая вышла замуж за богатого дворя-нина [Андроникова 2006, 115, № 2225]. Здесь отражены тонкости зимнего по-стоя, специфический взгляд на другие нации и сотни других тем, которые не-возможно сочинить, будучи посторон-ним человеком. Это можно только запи-сать, находясь в национальной среде.

Занимаясь полевыми исследования-ми в течение двадцати лет, я постоянно сталкивался с цыганскими стариками, которые подтверждали реалии, зафик-сированные в коллекции И. Андрони-ковой. Приведем для начала три изре-чения из большой серии, связанной с гостеприимством. Не все знают, что го-нимый человек любой национальности мог претендовать на укрытие у цыган.

Яв хоть кокорб бэнг, ром лэскэ дэла пашэ яг тэ потатёл. Да на сарэ ману-шэ ромэн приютинэна. (Приди хоть сам чёрт, цыган ему даст у огня погреться. Да не все люди цыган приютят.)

Сарэ манушэ дэ таборо прилэна, лачэ и налачэ, да романбэ забонбэ припхэнэла лэн тэ прилэс. (Всякие люди в табор приходят, хорошие и плохие, да цыган-ский закон велит их принять.)

Кэ доя пбра парно чор дэ таборо га-радыя, покамест кокорэн калэн ромэн на обчёрдя. (До тех пор белый вор в табо-ре скрывался, пока самих чёрных цы-

⁹ Естественно, в литературе никак не от-ражен важнейший заработок таборных цы-ган. В отличие от колхозников цыгане со-хранили собственных лошадей, поэтому их нанимали для вспашки огородов, подвоза на зиму дров и торфа. Всё это совершалось на основе устного договора и не оставляло письменных следов. Даже городские цыган-ские активисты не упоминали такую прак-тику, ибо были «далеки от народа». А для группы, создававшей коллекцию изречений, секрета в этом не было, поскольку они доби-лись непосредственно до таборов.

ган не обокрал) [Андроникова 2006, 26, №№ 205, 212, 218].

Сравним с рассказом, записанным в Смоленской области¹⁰:

«Сейчас такого нету. И, наверно, не будет совсем.

Человек освободился. Видит, что табор стоит. Русский ведь не придёт с бедой к русским. Он идёт к цыганам. Так они сами не будут есть, а его накормят.

— Отдохни, мол, недельку около нас.

Уговаривают побыть в таборе — потому что у нас природа. И берут таких в шатер старики. Понимаешь? Говорят пожилому:

— Дед, ты его к себе возьми. У тебя ж девок нету.

Ну, он пустит. А весь табор... Цыганки пожилые несут покурить, купят ему всё. Сами себе могут кофту какую-то ситцевую не купить — а ему и рубашку, и на ноги — и всё на свете. Жалко ведь — пропадает человек. Прошлые цыгане ему не поминают. “Человек оступился” — называются у нас. Мало ли у людей грехов? Бог знает, что с нами будет... так цыганки говорят.

Я маленькая была — пять-шесть таких случаев помню. Моя мамка (царствие небесное!), если уж пришёл человек такой — она разобьётся в доску, в долги могла пойти, а этому человеку сделает так, как надо. Были среди них хорошие гаджé¹¹. Они старику и дрова нарубят, и костёр разведут. Вот пора ему уезжать — запрягают цыгане лошадей, все складываются. Отвезут его на вокзал, в поезд посадят, еду на дорогу купят, пожелают ему “Счастливо!”, чтоб никогда больше туда не попадал. Вот такая мода была.

А были такие, что обкрадывали нас.

Цыгане ж не все одинаковые. Были богаче, были победнее, были совсем нищие. А он выследит, какая палатка богаче... Самое ценное что у цыган? Золото. Ничего ж больше не было. Ну а старые люди — они ж копили деньги про запас. Себе что-то надо. Или внушка растёт. Вот старик лошадь продаст, а деньги в подушку. Там в мешочке и золото, и цепки есть. А русский подсмотрел всё это — обокрал — и был таков.

¹⁰ Рассказ был записан автором на видеокамеру и на русском, и на цыганском языке. Здесь приводится только русский вариант воспоминаний.

¹¹ гадже — чужие, не цыгане (цыг.)

И бывало, что старик потом бурчит: — Зачем его взяли? Обокрал — и пошёл себе...

Бесполезно! Если человек в беде — всё равно никогда не отказывали. Украдут — не украдут у нас... Придёт ещё один русский через месяц на шатры. Примут — и всё. У нас, что ли таких людей не бывает? И у нас есть. И у русских есть. Мы умно тогда рассуждали» (Зап. от Анны Антоновны Орловской, польской цыганки 1942 г. р., г. Сафоново Смоленской обл. Соб. Н. В. Бессонов, 2012 г.) [ПМА].

Как мы видим, цыганские воспоминания подтверждают достоверность полевых записей из архива Андрониковой. Подчеркнем, что такие примеры автор данной статьи мог бы приводить сотнями.

Самым серьезным доводом в пользу подлинности коллекции является то, что многие фразы невозможно понять без знаний об их таборной подоплеке. Сконструировать их затруднительно в силу того, что ряд бытовых подробностей никак не был отражен в художественной и этнографической литературе. Рассмотрим изречение из раздела, посвященного взгляду русских цыган на таборы из Молдавии. Рифмованная фраза гласит:

Молдава́нка пэ го́ло те́ло тря́пки дорэ́сла. (Молдаванка на голое тело тряпки достаёт) [Андроникова 2006, 34, № 404].

Ни одна из российских этнографических книг или статей не могла пояснить, что имелось в виду. А зафиксирован здесь экзотичный способ, которым молдавские кочевницы собирали подаяние. Русские цыгане подметили, что эти молодые женщины выпрашивали одежду и еду, обнажая грудь. Цыганки задирали рубаху во дворах или возле железнодорожных вагонов. Иногда девушки даже ходили на промысел голыми по пояс. Литература стыдливо обходила эти факты молчанием. Однако сохранились сотни фотографий, подтверждающих правоту обсуждаемой поговорки. Некоторые из таких снимков я в 2012 г. опубликовал в книге «Цыганский альбом» [Бессонов 2012, 124—128]. До этой даты лишь коллекция Андрониковой давала косвенную информацию, истинный смысл которой российские этнографы не понимали.

Еще один пример напоминает красивую метафору, но вовсе не является в реальности таковой. Вот пара близких по смыслу изречений:

Камлыпэн дэ кандалы на закуинэса и пэрэ балвал на мэксэса. (Любовь в кандалы не закуёшь и по ветру не развеешь).

Яшты гэрэ састырэса тэ скуинэс, а илб на урикирэса. (Можно ноги цепью сковать, а сердца не удержишь) [Андроникова 2006, 256, №№ 5447, 5448].

Здесь отражен доселе неизвестный этнографической науке таборный обычай. Я узнал о нем несколько лет назад и получил подтверждения от цыган нескольких этногрупп. Суть состоит в том, что порой родителям девушки не нравился жених. Получив отказ во время сватовства, парень уговаривал свою избранницу сбежать. Если юную пару удавалось поймать, то отец на первых порах запирает ноги дочери в железные «конские путы», чтобы она не могла повторить побег. Далее применялись самодельные ножные кандалы, которые на ночь продевались через колесо телеги. Такие меры предосторожности могли применяться месяцами. Но итог обычно бывал именно таким, как в процитированных поговорках. Либо отец из жалости расковырял дочь и она тут же исчезала, либо влюбленный парень сам способствовал побегу. Известно, что одна из актрис театра «Ромэн» в двадцатилетнем возрасте вырвалась из своего табора, где ее держали прикованной к телеге цепями. Информация об этом содержится в аннотации И. Ром-Лебедева к одной из грампластинок (естественно, никто из цыгановедов данный источник прежде не замечал) [Ром-Лебедев].

Итак, приходится признать, что мы еще далеко не все знаем о реальной кочевой жизни. Общение с теми, кто ее помнит, способно пролить свет на многие неясные моменты. Сотни фраз из коллекции Андрониковой ждут профессиональных комментариев. Даже пресловутая сказочная птица Чарана (излюбленный аргумент недоброжелателей И. Андрониковой) находит после общения с пожилыми таборными цыганами логичное объяснение¹².

¹² Возникновение и эволюция этого образа 144
раза является темой для отдельной статьи.

Вопрос о знании цыганского языка

Приемы, которыми И. Махотина попыталась вывести из научного оборота архив Андрониковой, могут произвести впечатление на специалистов из смежных отраслей. В частности, внешне убедительно звучит тезис, что И. М. Андроникова не могла собрать ценные полевые материалы, поскольку не знала цыганский язык. Тем не менее, все рассуждения на данную тему следует отменить по четырем причинам.

Во-первых, афоризмы собирала не одна Андроникова, а группа лиц.

Во-вторых, цыгане двуязычны, и расспросы, касающиеся их быта и истории, можно вести на русском языке. Без сомнения, диссертация И. Андрониковой была создана на основе подобных бесед. Технологии полевой работы на русском языке была посвящена моя статья в научном сборнике, изданном в Киеве [Бессонов 2008, 73–94], поэтому не будем повторять ее основные тезисы.

В-третьих, мы достоверно знаем, что у Инги Михайловны были дружеские отношения с цыганами Ленинграда (в частности, с семьями Дулькевичей и Цыбульских). С их помощью можно было записать и расшифровать лексический материал от приехавших в гости провинциальных родственников.

В-четвертых, нам известно, что в своей полевой работе И. Андроникова использовала магнитофон¹³. Сама собирательница могла преувеличивать из тактических соображений свои трудности¹⁴. Но существует свидетель (и участ-

Здесь же объем публикации не позволяет высказаться подробнее.

¹³ Который упомянут даже в предисловии к книге «Язык цыганский весь в загадках» на стр. 7. Естественно, пристрастный критик И. Махотина предпочла звукозаписывающую технику на цыганской свадьбе просто «не заметить».

¹⁴ Так, при защите диссертации соискатель говорила, что деревенские цыгане подзрительны, и вести при них записи не представляется возможным. Поводом для этих слов послужило то, что коллеги с научными степенями решили признать диссертацию несостоятельной под формальным предлогом, что в ней поименно указаны лишь 9 информантов. Пытаясь обойти эту придирику, Инга Михайловна и выдвинула версию

ник) этнографической работы, который оставил воспоминания. Речь идет об известном цыганском поэте Николае Александровиче Василевском. Цитата из его книги показывает, как в реальности выглядела полевая работа.

Н. А. Василевский пишет: «... Вспоминается первый, а затем и второй и третий приезд на Смоленщину, где я тогда жил, студентки института этнографии Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР Инги Михайловны Андрониковой. Статная, молодая, красивая, девушка подкупила моих родителей не столько этими внешними качествами, сколько своей интеллигентностью, умом, образованностью. Мне же, шестнадцатилетнему подростку, она была интересна тем, что занималась собиранием фольклора бывших таборных цыган. И я с превеликим удовольствием стал помогать ей в этом важном деле. Перво-наперво я познакомил Ингу (Инду Романи чай) со своей бабушкой Елизаветой Павловной Егоренковой, которая была хранительницей обрядов, сказок и легенд русских цыган. Затем возил в города Сафоново, Ярцево, Смоленск к родственникам и всем тем цыганам нашего осевшего табора, которые также, как и бабушка Елизавета Павловна Егоренкова, тети Александра Марковна Головешкина, Мария Егоровна Мурашкина и моя мама Ганя, делились с ней своими познаниями в устном народном творчестве. Бывали мы и на цыганских свадьбах, крестинах, вечеринках, где Инга записывала на магнитофон цыганские песни, притчи, сказки, поговорки, пословицы. Цыгане народ мягкий, гибкий, добрый, уступчивый, понятливый, но чужого — *гаджо* — опасается. Со мной Инге были открыты двери многих цыганских домов, где она смело могла пользоваться магнитофоном». Далее Василевский перечисляет фамилии и прозвища тех цыган, с которыми свел молодую исследовательницу. Это «цыгане Егоренковы, Василевские, Головешкины, Мурашкины (Куненки, Ващенки, Хряпки)» [Василевский 2013, 156—157]. Те же фамилии упоминает в числе своих информантов сама И. Андроникова [Кучепатова 2006, 12].

о том, будто «при цыганах нельзя вынимать бумагу и карандаш».

Итак, мы видим, что трудности, с которыми исследовательница сталкивалась в одних цыганских домах, вполне компенсировались режимом наибольшего благоприятствования в других. Расшифровка же записей и их перевод — решаемая техническая проблема.

Отдельные недостатки собрания и принципы работы с ним

Мы неизбежно должны признать архив Андрониковой подлинным. Но это не значит, что он лишен недостатков. Уже то, что в книге «Язык цыганский весь в загадках» были опубликованы неотредактированные черновики, исключает неkritичное цитирование. Остановимся на «слабых местах» издания 2006 г.

Как уже отмечалось, коллектив, который работал над сбором лексического материала, не включал ни одного знатока русско-цыганского диалекта. Записи цыганской речи содержат многочисленные ошибки. Готовя коллекцию к публикации, С. Кучепатова намеренно не вносила исправления, чтобы ученые спокойно и честно анализировали материал. Таким образом, если возникает необходимость в цитировании, желательно получить консультацию у лингвистов (или носителей языка) и привести фразы в грамотный вид. Автор данной статьи именно так и поступил, приводя в своей монографии фразы, касающиеся Великой Отечественной войны. Правку цыганских вариантов фраз осуществил Л. Н. Черенков (что и было отмечено отдельной сноской) [Бессонов 2010, 346—348].

Далее, критики совершенно правы, отвергая подлинность ряда цыганских фраз. Можно привести немало примеров, когда фраза наверняка производилась по-русски. Такова, например, ситуация, когда цыган отвечает крестьянам на их насмешки. Деревенские остряки привыкли дразнить цыган «вшивыми». В ответ кочевник степенно заявлял: «Вши наши и ваши, а клопы не наши» [Андроникова 2006, 30, № 305]. Точно так же на русском языке цыганка просила подавание: «Не пожалей для моих черненьких цыганят кринку молочка, десяток яичек, кара-

вай хлеба, теплого пирожка...» [Андроникова 2006, 221, № 4676]. А вот пример приветливой фразы: «Ты русский, а я цыган, но в дружбе нам жить не помешает» [Андроникова 2006, 31, № 324]. Совершенно ясно, что во всех подобных случаях кочевники хотели быть понятыми и переходили на чужой язык. Тем не менее, в коллекции Андрониковой почти все русские фразы имеют цыганский эквивалент¹⁵. То есть мы имеем дело с переводом постфактум — причем по определению излишним¹⁶. Такая непрофессиональная практика (формально попадающая под понятие подлога) имеет свое объяснение.

Обсуждаемую коллекцию начали собирать уже в 1930-е гг. Эта эпоха ознаменовалась всплеском национальной письменной культуры. На цыганском языке выпускались книги и журналы. Предполагалось, что со временем цыгане будут и учиться, и приобщаться к культуре на русско-цыганском диалекте¹⁷. Таким образом, «дубляж» всего зафиксированного органично вписывался в тенденции эпохи. По всей вероятности, неизвестные нам участники проекта видели в идеале двуязычное издание.

¹⁵ На необходимость критического подхода указывала в своем предисловии С. Кучепатова: «Нельзя быть уверенными в том, что все изречения, попавшие в картотеку, были записаны на цыганском языке. Отдельные фразы, вероятно, могли быть произнесены по-русски (учитывая двуязычие цыган и, вероятнее всего, русскоязычность собирателя) и уже потом переведены на цыганский язык». Отметим также, что в конце коллекции напечатаны так и не переведенные изречения на русском языке (№№ 13063—13140).

¹⁶ Кстати, вполне возможно, что сама Андроникова при публикации сделала бы поясняющие сноски. Образец, опубликованный в «Языке цыганском...» под номером 134 выглядит так:

«Камень крепок, а цыганское сердце крепче (когда цыгану говорят: эй, цыган, так холодно, а ты плохо одет и цыганятки твои голые, — он отвечает этой поговоркой). *Бар крэпко* (ст.: *зоралó*), а *ромэнги́ро илó крэпкэ-ды́р* (ст.: *зоралэды́р*). Здесь мы видим не только сочиненный цыганский эквивалент, но и комментарий собирателя, в какой ситуации данная поговорка звучит именно по-русски.

¹⁷ Этот диалект был официально взят за основу для публикаций.

Разумеется, это никак не соотносится с требованиями этнографии. Но мы не можем ждать соблюдения строгих научных критериев от любителей, которые не имели профильного образования. В любом случае, коллекция нуждается в отсеивании части цыганских фраз, сочиненных под влиянием идеологии национального активизма. Назовем два критерия. Во-первых, как уже говорилось, следует исключить из научного обихода цыганские переводы фраз, сказанных в оригинале по-русски. Это те самые ситуации, в которых отражен межнациональный диалог. Во-вторых, подозрительно выглядят пословицы и поговорки, которые хорошо рифмуются по-русски, но звучат неуклюже по-цыгански. Надо всегда иметь в виду, что цыгане двуязычны. Ряд тем они обсуждают и между собой на русском языке, поскольку в нем гораздо шире словарный запас. Сентенции с русской лексикой реально циркулировали и в цыганской среде. Нет никакой нужды в том, чтобы сочинять нескладные эквиваленты. Приведу конкретные примеры:

Чужому не доверяйся, от своего не запирайся. (*Чужонэ́нгэ на допаты́, а пэскирэ́стыр на захандэ́нэ*) [Андроникова 2006, 26, № 225].

Когда цыган братьями посчитали, тогда и мы за родину воевали. (*Кóли ромэ́н пшалэ́нца загиндлэ́, тогдá и амэ́ пáлэ́ рóдина воиндэ́м*) [Андроникова 2006, 25, № 194].

Иди огороды пахать, не то нашей свадьбе не бывать (сказала Оля Петьке). (*Джэ́ огорбды́ тэ шулавэ́с, на то амарэ́ бьявэ́скэ́ тэ на явэ́л*) [Андроникова 2006, 305, № 6587].

Цыгане тоже газеты читают, что к чему понимают. (*Ромá то́же газéты гинэ́на, со кэ́ со галéна*) [Андроникова 2006, 242, № 5139].

Думаю, коллеги со мной согласятся, что в данных образцах следует цитировать лишь русские варианты фразы, имеющие рифмовку.

Чтобы читатели поняли, что ситуация с ненужным дублированием возникает и в наши дни, приведем красноречивый пример. Все та же идеология национального активизма оказала влияние на книгу «Білий камінь з чорної катівні» [Адам 2006]. Названное издание являет-

ся коллекцией воспоминаний, собранных среди пожилых цыган — «мадяров» Закарпаття. О военных временах эти старики рассказывали по-венгерски хотя бы потому, что цыганским языком никогда не владели. Тем не менее, авторы снабдили каждое интервью переводом на цыганский суржик. По их замыслу именно в таком виде цыгане из других регионов лучше воспримут историческую информацию. Если бы мы руководствовались критериями И. Махотиной, то книгу следовало бы исключить из числа цитируемых за «фальсификацию». На мой же взгляд, такой пуризм нанес бы вред цыгановедению. Мы должны всего лишь учитывать маленькие слабости национальных активистов и игнорировать сочиненные цыганские дубликаты в исторических публикациях.

Такой же подход был бы правильным и при работе с архивом Андрониковой. Надо признать, что на опубликованных черновых карточках имелись как подлинные, так и сомнительные записи. Часть критериев для отсева названа, прочие заслуживают профессионального обсуждения. Это тема для назревшей дискуссии.

Очевидно, со временем можно было бы осуществить серьезное издание, в котором лингвисты высказали бы свои соображения, а этнографы, имеющие полевой опыт, сопрягли бы отдельные группы фраз с результатами своих наблюдений. К примеру, качественная публикация О. Абраменко «Очерки языка и культуры цыган Северо-Запада России» (2006) во многом перекликается с текстами из коллекции И. Андрониковой. Записанные автором воспоминания о таборной жизни также могли бы послужить этнографическими иллюстрациями к фразам из книги «Язык цыганский...». Если же участие приняли бы еще и специалисты по текстологическому анализу, то мы бы получили на выходе труд, правильно ориентирующий коллег из смежных областей.

Литература

Адам 2006 — Адам А., Зейкан Ю., Навроцька Є. Білий камінь з чорної катівні: голокост ромів Закарпаття. Ужгород, 2006.

Андроникова 1970 — Андроникова И. Эволюция жилища русских цыган // Советская этнография. 1970. № 4. С. 31—45.

Андроникова 2006 — Язык цыганский весь в загадках: Народные афоризмы русских цыган из архива И. М. Андрониковой / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и справ. аппарат С. В. Кучепатовой. СПб., 2006.

Баранников 1931 — Баранников А. П. Цыганские элементы в русском воровском аргоне // Язык и литература. Т. 7. Л., 1931. С. 139—156.

Бессонов 2008 — Бессонов Н. В. Нарративные источники как один из информационных ресурсов цыгановедения // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т. 15. Київ, 2008. Рома в Україні: із минулого в майбутнє. С. 73—94.

Бессонов 2010 — Бессонов Н. В. Цыганская трагедия 1941—1945. Факты, документы, воспоминания. Т. 2. Вооруженный отпор. СПб., 2010.

Бессонов 2012 — Бессонов Н. В. Цыганский альбом. М., 2012.

Василевский 2013 — Василевский Н. А. Пословицы // Цыганско-русский словарь. Русская рома: севернорусский диалект. Калининград, 2013.

Герман 1931 — Герман А. Цыгане вчера и сегодня. М., 1931.

Голодников 1879 — Голодников К. Проклятое племя // Тобольские губернские ведомости. Тобольск. 1879. № 34. С. 5—6.

Махотина 2012 — Махотина И. Ю. Фиксация и изучение фольклора русских цыган в XIX—XXI веках // Традиционная культура. 2012. № 3. С. 108—119.

Кучепатова 2006 — Кучепатова С. В. От составителя // Язык цыганский весь в загадках: Народные афоризмы русских цыган из архива И. М. Андрониковой. СПб., 2006. С. 3—15.

Пыляев 1887 — Пыляев И. М. Старый Петербург. СПб., 1887.

Ром-Лебедев — Ром-Лебедев И. Аннотация к пластинке «Цыганские песни» фирмы «Мелодия», 33Д 024191—92.

Цыгане 1878 — Цыгане // Природа и люди. СПб., 1878. № 11.

Therrenkov 2004 — Therrenkov L., Laedrich S. The Rroma. Vol. 2. 1. Basel, 2004.

Summary. The article is dedicated to the folklore of Russian Gypsies, collected by Inga Andronikova and her family members between 1930 and 1970.

Key words: Inga Andronikova, mentality, proverbs, researches, Romany folklore, Russian Gypsies.